

Д. Бруно

О героическом энтузиазме

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Д11

Д11 **Д. Бруно**
О героическом энтузиазме / Д. Бруно – М.: Книга по Требованию, 2014. – 214 с.

ISBN 978-5-458-71807-3

В этой книге великий итальянский мыслитель излагает свои этические взгляды. Главная цель Бруно в трактате "О героическом энтузиазме", как он сам говорит, состояла в том, чтобы показать, что есть "божественное созерцание", или, что то же, в чем состоит "героическая любовь". Эта любовь героическая, поскольку ею человек возвышается над миром и устремляется к божественной истине. В целом трактат посвящен путям духовного восхождения личности, рождению нового человека. Это рождение происходит в любви и благодаря любви - божественно-энтузиастической, героической любви. Это трактат (впрочем, Бруно называет свое произведение поэмой) о любви как пути божественного познания, жизненной энергии и творческом порыве.

ISBN 978-5-458-71807-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

Джордано Бруно — один из замечательных итальянских мыслителей Возрождения, эпохи, о которой Энгельс писал: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов...»¹

Великих людей Возрождения отличали многосторонность интересов и неутомимая деятельность в различных областях науки и искусства, страстность и полнота характера. Эти качества развивались в обстановке решительных сдвигов и революционных изменений в экономике, в социально-политической и культурной жизни общества. Возрождение, начавшееся в Италии во второй половине XIV в. и охватившее другие страны Западной Европы в конце XV—XVI столетия, было периодом интенсивнейшего развития капиталистических отношений в недрах феодального строя. Первоначальное накопление, которому во многом способствовало открытие новых земель и сопутствующее ему ограбление колоний, дало толчок развитию торговли и промышленности; ремесло уступало место мануфактуре. Борьба городов, а затем и целых государств за «национальные вольности» и широкие протестантские движения сломили диктатуру римско-католической церкви, которая объединяла феодальную Западную Европу в одно политическое целое и препятствовала развитию капиталистических отношений и формированию национальных (буржуазных для того периода) связей в странах Западной Европы. С другой стороны, было положено начало ликвидации средневекового партикуляризма — раздробленности, связанной с феодальной анархией; коро-

¹ Ф. Энгельс, Дialeктика природы, Госполитиздат, 1952, стр. 4.

левская власть при поддержке горожан сломала мощь феодального дворянства. Возникшие в этот период абсолютистские монархии — новая форма централизации и политического устройства — были, как отмечает Энгельс, «в сущности основанные на национальности»¹. Они обеспечивали развитие буржуазии на более широкой, чем средневековый город, национальной основе.

В этих условиях происходила напряженная борьба зарождающейся новой идеологии с феодально-католическим мировоззрением. Наука и искусство, сбросив гнет богословия и схоластики, достигли невиданного до того расцвета. Ученые Возрождения обратились к изучению реального мира на основе нового, эмпирического метода познания. Объектом науки стал, по выражению Галилея, «чувственный мир» (*mondo sensibile*), а не «мир бумажный» (*mondo di carta*), не сочинения Аристотеля, где «Поповщина убила... живое и увековечила мертвое»² и толкованием которого подменялось изучение природы. Великое открытие Коперника (гелиоцентрическая система) положило начало освобождению естествознания от теологии. Развитие естествознания было тесно связано с новой философией, многим обязанной трудам итальянских мыслителей — Телезио, Кардано, Бруно.

«Как вся эпоха возрождения, начиная с середины XV в., так и вновь пробудившаяся с тех пор философия были в сущности плодом развития городов, т. е. бюргерства. Философия лишь по-своему выражала те мысли, которые соответствовали развитию мелкого и среднего бюргерства в крупную буржуазию», — писал Ф. Энгельс³. Действительно, великие деятели Возрождения способствовали установлению господства буржуазии. Но сами они не были буржуазно-ограниченными, их мысль нередко вступала в противоречие с общественной и частной практикой буржуазии. Все это объясняется тем, что гуманистическая культура складывалась в атмосфере широкого движения народных масс города и деревни, выступавших не только против феодализма, но зачастую и против частной собственности вообще.

Великие борцы за прогресс эпохи Возрождения не останавливались в своих бесстрашных поисках истины перед обобщениями и выводами революционного характера, ломающими весь строй традиционных представлений. Их борьба против феодальной идеологии,

¹ Ф. Энгельс, Дialeктика природы, Госполитиздат, 1952, стр. 3.

² В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 303.

³ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, Госполитиздат, 1949, стр. 48—49.

католицизма и схоластики, за утверждение нового мировоззрения отличалась самоотверженностью, твердой верой в силу и торжество науки, вдохновением, которое Бруно назвал «героическим энтузиазмом». Материалист и атеист, бесстрашный обличитель католического мракобесия и страстный проповедник новых, революционных идей, Джордано Бруно был сам ярчайшим воплощением этого «героического энтузиазма». В сознание прогрессивного человечества он вошел как символ подлинной смелости научной мысли.

В отличие от некоторых других выдающихся деятелей Возрождения Джордано Бруно пришлось жить и бороться на последнем этапе Возрождения, в обстановке феодально-католической реакции, начавшейся в Италии с 30-х годов XVI в. Дальнейшее развитие философских и естественно-научных принципов, выработанных Возрождением, в условиях реставрации феодально-католических порядков требовало от сторонников прогресса напряжения всех сил, огромной моральной стойкости. Это был период суровой проверки их закалки и принципиальности. Именно в это время появилась необходимость в постановке проблемы «героического энтузиазма», ее философско-этического обоснования, так как речь шла о мобилизации всех сил, верных делу прогресса и способных противостоять реакции. На долю Бруно, одного из самых стойких борцов науки, которого отживающий мир преследовал с наибольшим ожесточением, выпало стать теоретиком и певцом «героического энтузиазма», как определенной нравственной нормы. Особенно нуждалась в этом такая страна, как Италия.

Несмотря на то, что Италия первой вступила на капиталистический путь развития и была родиной Возрождения, — реакция началась в ней раньше, чем в других странах и была крайне жестокой. Дело в том, что итальянская средневековая буржуазия в силу своей исторической слабости не смогла преодолеть католического космополитизма и муниципальной раздробленности и организовать единое национально-территориальное государство. Италия не знала той формы политической централизации, которая утвердилась в ряде других стран Западной Европы в эпоху Возрождения. Папство, выступая в роли «собирателя» итальянских земель, по самой своей космополитической сущности не могло и не хотело создать монархию, «основанную на национальности». Этой цели не могли служить и итальянские синьории (тирании), которые пришли на смену городским республикам, после того как демократия коммун была подавлена. По своему происхождению и политическому характеру синьория (тирания) радикально отличалась от абсолютизма. Если возникновение абсолютизма (во Франции, например) было вызвано борьбой буржуазии против феодальных классов, в которой буржуазия до извест-

ных пределов объединялась с городской беднотой и крестьянами, то синьория, напротив, представляла собой диктатуру, направленную против городской бедноты.

Не являясь единым централизованным государством, Италия не могла выступить как могучая держава, способная отстоять интересы своей буржуазии за рубежом. Она не смогла, в частности, принять участие в организации великих географических открытий XV—XVI вв. (хотя и Колумб и Америго Веспуччи были итальянцами, свои открытия они сделали, состоя на службе у испанского и португальского абсолютизма). Вследствие перемещения торговых путей из Средиземного моря на Атлантический океан Италия потеряла свое экономическое могущество, а вслед за тем и национальную независимость, сделавшись добычей Франции и Испании. Итальянская буржуазия перестала заботиться о развитии торговли и промышленности, предпочитая помещать капиталы в землю. Начавшийся процесс рефеодализации итальянского общества сопровождался католической реакцией. Ее разгул был тем сильнее, что Италия эпохи Возрождения не знала широкого протестантского движения, а ее культура (в особенности итальянский гуманизм) развивалась в отрыве от народных еретических движений, вспыхивавших в отдельных областях. Католическая церковь и инквизиция беспощадно подавляли свободную мысль Возрождения. Была введена жестокая цензура, церковь составляла списки запрещенных книг, внося туда все наиболее ценное, что было создано эпохой Возрождения.

В обстановке бешеного наступления феодально-католических сил завершилась эволюция итальянского гуманизма, вступившего в полосу своего глубочайшего кризиса. Итальянский гуманизм в это время развивался в стороне от социальных и культурных запросов народа. «Гуманизм в Италии, действительно, не развил того, что в нем было наиболее оригинального и обещающего», — писал крупнейший итальянский теоретик-марксист Антонио Грамши.

«Мир нынче полон отступниками», — с горечью и гневом восклицал Бруно в своем «Героическом энтузиазме». Тяжесть духовного террора и репрессий обрушивалась в особенности на тех мыслителей, которые опирались на достижения естествознания и были связаны с передовыми течениями общественной мысли. К этой категории принадлежал и Джордано Бруно.

Бруно родился в 1548 г. в городе Нола, близ Неаполя. Отец его был солдатом, мать крестьянкой. Первые столкновения Бруно с воинствующим католицизмом произошли еще в доминиканском монастыре в Неаполе, куда он поступил пятнадцати лет с целью воспользоваться богатствами монастырского книгохранилища для расширения

своего образования. Бруно читал там не столько теологов, сколько антифеодальные и антиклерикальные памфлеты гуманистов, и он сам сочинял сатиры на святош и педантов (поэма «Новый ковчег», комедия «Подсвечник»). Бруно отказался от преклонения перед авторитетом схоластизированного Аристотеля, одобрительно отзывался о еретическом учении ариан (IV в.), осужденном церковью. Из своей кельи Бруно выбросил иконы святых угодников, оставив одно распятие. В результате начатого против него процесса Бруно был вынужден бежать из Неаполя в Рим, затем перебраться на север Италии, где он скитался некоторое время, пока ему не пришлось совершенно покинуть страну.

Научная деятельность Бруно представляла большую угрозу для феодально-католического мировоззрения. Его смелые научные гипотезы, являвшиеся дальнейшим развитием и обогащением теории Коперника, опрокидывали догматы христианской теологии и библейскую легенду о происхождении мира. Бруно учил, что во вселенной существует множество миров, а сама она бесконечна; что наша солнечная система не является единственной; что и земля и небо одинаковы по своему составу, что существует материальное единство природы. Бруно говорил о «вечной вещественной субстанции, каковая не может ни произойти из ничего, ни обратиться в ничто, но способна к разряжению и к сгущению, к изменению формы, порядка, фигуры». Материя у него выступает как «живое и активное начало», как «природа рождающая». Бруно не был последовательным в своем материализме, так как не мог до конца преодолеть средневековый дуализм и пойти дальше пантеизма. Он допускал наличие «мировой души» и всеобщей одушевленности природы, хотя «духовная субстанция» представлялась ему — в отличие от христианского бога, стоящего над вещами и материей, — «началом, действующим и образующим изнутри».

Развивая взгляды своих предшественников, Телезио, Кардано и других, Бруно выступал за научное познание реальной действительности на основе ее опытного изучения. Вопреки католическому принципу подчинения мысли теологии, религии, закреплённому решением Латеранского собора 1512 г., и схоластическому принципу двойственности истины (истина веры и истина знания) он утверждал, что истина едина и что ее познание является делом науки и философии, а не религии. Бруно решительно противопоставил научное знание вере и откровению, и в этом также состояла прогрессивная сущность его учения. Считая раскрытие тайн природы доступным для человеческой мысли, Бруно пытался развить научную теорию познания. Он устанавливал три ступени приближения к истине: чувство, разум,

интеллект. Теория познания Бруно не была и не могла быть последовательно-материалистической в силу непреодоленного им дуализма. Высказывая догадку о единой всеобщей закономерности материальной природы, Бруно считал «чувственное знание», при всей его значительности, недостаточным, поскольку оно не ведет дальше познания отдельных вещей. «Разум» связывает данные об отдельных вещах воедино, но действительное знание, по Бруно, достигается только с помощью «интеллекта». Бруно рассматривал всеобщую закономерность природы не как закон, а как субстанцию, соединяющую в себе «высшую божественную истину, красоту и благо», она пронизывает собою все вещи («бог в вещах») и полнее всего проявляется в самой высокой части души — «интеллекте». Ему и отводил Бруно решающую роль в своей умозрительной, «созерцательной» теории познания, по которой «познающий субъект» путем созерцания отражения «божественной субстанции» в вещах подымается по ступеням «подражания, сообразования и соучастия» к «соединению» с нею. Нетрудно заметить во всем этом черты дуализма, пантеизма и отдельные элементы философии неоплатоников, на которых Бруно нередко ссылается. Однако теория познания Бруно содержала и некоторые материалистические тенденции. Бруно решительно порывает с католической доктриной откровения и учением о «мистическом экстазе» тех же неоплатоников. Для разума человека, писал он, «отнюдь не будет величайшим таинством уставить очеса в небеса, воздуть вверх руки, направить в храм стопы, наострить уши так, чтобы больше было слышно...» Бруно стоит за научное познание, в котором инициатива принадлежит разуму человека, «интеллекту и интеллектуальной воле», прославляет «усердие и исследовательскую мысль человека». Он выдвигает сомнение как исходный пункт познания в противовес схоластико-теологическому принципу «авторитета»; говорит о «чувственном знании» как первой и необходимой ступени; развивает наивно-диалектические высказывания древних греков (Гераклита Эфесского), а также своего предшественника Николая Кузанского о совпадении противоположностей в природе.

Свои мысли, свое учение Бруно облекал в форму диалогов, стихотворений, наглядных аллегорий, стараясь сделать их доступными более широкому кругу читателей. С этой же целью он отказывался от ученой латыни; целый ряд своих философских произведений Бруно написал на живом итальянском языке. Инквизиция считала употребление народного языка в «еретических» сочинениях отягчающим вину обстоятельством, но это также не могло остановить просветительскую деятельность Бруно.

Научные сочинения Бруно нередко носят характер публицистиче-

ского памфлета и почти никогда не обходятся без резких выпадов против темных сил реакции. Замечательный пафос высвобождения человеческой мысли из тьмы феодально-католического мракобесия, гордая и несокрушимая вера в силу и победу научных истин обычно соединяются у Бруно с беспощадной критикой «святой ослиности» попов и педантов. Отдельные его произведения специально посвящены этой критике, как, например, «Тайна коня Пегаса, с приложением Килленского осла» (1585).

Бруно нападал на софистов-аристотеликов, на теологов, монахов, астрологов, на реакционеров всех родов, вытаскивал их из темных монастырских и университетских укрытий, уничтожающе высмеивал их в памфлетах, искал случая разбить на диспуте. Это был бесстрашный полемист-диалектик, сатирик с беспощадно острым пером, сыпавший тысячи убийственных стрел на головы противников. Схоласты и попы разных стран, в которых довелось жить Бруно после того, как он покинул Италию, каждый раз, потерпев поражение, объединялись и бешено ополчались против него.

В 1584 г. Бруно выступил в Оксфордском университете (в то время одном из самых реакционных в Европе) с изложением и защитой взглядов Пифагора, Парменида и Анаксагора, опровергая с их помощью космологию Аристотеля. Оксфордские схоласты и теологи быстро добились отстранения Бруно от чтения лекций в их университете. После диспута по физике Аристотеля в Сорбоннском университете, длившегося три дня, Бруно спешно пришлось покинуть Париж ввиду начавшейся травли (1586). В Германии, в Марбурге, ему было отказано в чтении лекций как «неблагонадежному профессору», а гальмштедские обскуранты-лютеране, соревнуясь с католиками, даже отлучили Бруно от церкви.

Церковь и инквизиция преследовали Бруно, подсылали к нему наемных убийц. С помощью заговора, обманным путем им удалось заполучить в свои руки пламенного Ноланца и жестоко расправиться с ним. Венецианский патриций Мочениго, действовавший с ведома инквизиции, пригласил Бруно, прославшего виртуозом памяти и занимавшегося преподаванием мнемоники, обучать его этому искусству. Бруно страстно хотел вновь увидеть родину; в свободное от занятий с патрицием время он мог бы читать лекции в Падуанском университете, самом старом в Италии; Венецианская республика, которую еще не захлестнула мутная волна реакции и которая через посредство так называемых «знатоков ереси» (Savii dell'eresia) контролировала судопроизводство инквизиторов, могла бы обеспечить ему относительную духовную свободу... Бруно принял предложение Мочениго и в 1592 г. возвратился в Италию. Через короткий срок Мочениго

передал его в руки инквизиции. Бруно был помещен в известную венецианскую тюрьму «пьемби», в камеру под свинцовой крышей, нестерпимо душную во время летнего зноя. Инквизиция использовала доносы Мочениго, чтобы начать процесс против Бруно. Бруно был объявлен не только еретиком, но даже ересиархом, главой ереси. Его обвиняли в атеизме, в сочувствии к протестантизму, в прославлении «властителей-еретиков» — английской королевы Елизаветы и французского короля Генриха III, покровительство которых Бруно, действительно, оплачивал посвящением им своих книг и стихотворными панегириками, подчиняясь необходимости и моде того времени. Обвинительные документы особенно много говорят о требованиях Бруно секуляризации монастырских имуществ и об его учении о множественности миров и бесконечности вселенной, нанесшем сокрушительный удар библейской легенде о происхождении земли. Папа Клемент VIII категорически настоял, чтобы расправа над Бруно была произведена в Риме. Венецианская республика сопротивлялась не дольше, чем это было необходимо для ее престижа. 27 февраля 1593 г. Бруно был выдан римской инквизиции. В сопроводительной аттестации он именовался еретиком, который «жил долгое время в еретических странах и вел там самый дьявольский образ жизни». Вместе с тем ради «объективности» венецианские власти отмечали, что «это один из выдающихся умов, какой только можно себе представить; это человек замечательной начитанности и огромных знаний». Процесс Бруно тянулся семь лет. Ни преследования и угрозы, ни тюрьма, ни пытки — ничто не могло поколебать убеждений Бруно. Последней ярчайшей вспышкой «героического энтузиазма» Бруно был его ответ инквизиторам: «Вы с большим страхом произносите мне приговор, чем я выслушиваю его». Не добившись его отречения, инквизиция приговорила Бруно к сожжению на костре. Приговор был приведен в исполнение 17 февраля 1600 г. в Риме, на Площади цветов.

Свое сочинение «О героическом энтузиазме» Бруно издал в Лондоне в 1585 г.¹

Этим произведением завершилось издание важнейших работ Бруно лондонского периода, написанных на итальянском языке: «Пир на пепле», «О причине, начале и едином», «О бесконечности вселенной и мирах» и др.

Бруно называет свое сочинение «О героическом энтузиазме» «поэмой», а также «естественным и физическим сочинением». Воспе-

¹ Пометка на фронтисписе «Париж у Антонио Байо» является фиктивной.

вание героизма, рождающегося в борьбе за научное познание природы, против мракобесия, насаждаемого теологами и педантами, соединяется у Бруно с попытками дать теоретическое обоснование «героического энтузиазма» как определенной нравственной нормы. В своем произведении Бруно пользуется сложной формой изложения, сочетающей стихи и прозу.

Только правильное понимание соотношения поэзии и философии в «Героическом энтузиазме» дает возможность раскрыть идейный замысел, подлинный характер и направленность этого сложного и во многом противоречивого произведения. Реакционные зарубежные философы утверждают, что главным предметом «Героического энтузиазма» является изложение теории познания. Все они в той или иной степени игнорировали публицистические элементы «Героического энтузиазма», все то, что более непосредственно связывает его с историческими общественными условиями эпохи, и принижали также художественную сторону произведения. Они занимались оценкой только теоретических рассуждений Бруно, взятых сами по себе, вне исторически. Старательно обходя, замалчивая или затушевывая подлинный пафос произведения, его воинствующий просветительский характер, они всемерно раздували слабые стороны гносеологической доктрины Бруно, усматривая основную тенденцию «Героического энтузиазма» в возвращении к идее провидения, к религии и церкви!

Идейный замысел и пафос произведения Бруно состоят прежде всего в том, что он прославляет сознательную самоотверженную борьбу с реакцией во имя прогресса науки. Без этого не может быть правильно понята и гносеология Бруно, изложение которой занимает в книге не только не главное, но скорее подчиненное место. Достаточно прочитать несколько страниц «Героического энтузиазма», чтобы убедиться, что перед нами не только философский трактат. Основной пункт его — страстное обличение реакции, торжествующего мракобесия. Книга содержит яростные выпады, клеймящие определения (именно так трансформируется у Бруно мирный риторический прием «перечисления» — *enumeratio*), направленные против злобных и невежественных служителей и апологетов реакции.

«В нынешние времена, — пишет Бруно, — ...мы находимся на самом дне наук, породивших подонки мнений, грязные обычаи и действия». Он говорит об «отступниках, прославляющих ослов», о самих «ослах» — невежественных теологах и педантах-аристотеликах, «выносящих приговоры и мнения о том, чего они никогда не изучали и чего по сей день не понимают», об их идиотско-формалистических упражнениях в генеалогии, в расшифровке и толковании священного писания, их бесполезном «чириканье» и софизмах. «Никогда педанство, —

заключает Бруно, — не представляло больше притязаний на управление миром, чем в наши времена». Бруно бичует все проявления «святой ослиности», все рецидивы средневековой идеологии. Размеренная речь философского рассуждения прерывается выпадом против князей и тиранов, которые «применяют тем больше стеснений и насилия, чем меньше имеют власти». Следует специально оговорить яростную филиппику Бруно против «вульгарной любви», содержащую порою отдельные тирады женоненавистнического характера. Это мы находим, например, в «рассуждении Ноланца», которое предваряет диалоги. Немецкий реакционный историк культуры Ольшки видит в ней «теорию, прославляющую аскетизм и осуждающую земную любовь». Ватиканская газета «Оссерваторе романо», прославлявшая в 1931 г. кардинала Беллармина, составившего обвинительный акт инквизиции против Бруно, в 1950 г. перепечатала из журнала «Жизнь и мысль» статью «монсиньера» Франческо Ольджати, в которой говорилось, что Бруно не был предшественником современной научной мысли и что лагерь прогрессивной демократии не имеет достаточных оснований на то, чтобы чествовать Бруно. В качестве «аргументов» Ольджати ссылался на «аристократизм» Бруно, на то, что Бруно посвящал свои труды королям и вельможам, и в особенности на его «женоненавистничество». Статья Ольджати была написана в форме «открытого письма», адресованного редактору итальянского коммунистического журнала «Ринашита», отметившего 350-летие со дня смерти Бруно. В своем ответе «Джордано Бруно и мы» Пальмиро Тольятти дал достойную отповедь новоявленному фальсификатору Бруно из лагеря клерикальной реакции, пытающемуся спекулировать на отдельных предрассудках великого мыслителя Возрождения. По поводу обвинений Бруно в «антифеминизме» Тольятти пишет в журнале «Ринашита» (№ 8-9, 1950):

«Прежде всего вы, монсиньор, поступаете несправедливо, когда слишком цепляетесь за те выражения в духе несколько вульгарного женоненавистничества, которые часто срываются с бурного пера Ноланца. Это настроение (мы не забываем о нем) свойственно тому роду литературы, который широко культивировался в течение веков прежде всего священниками и монахами.

Грозный доминиканец научился этим вещам именно в монастыре. Да и теперь, когда я вижу, с каким пониманием дела остановились Вы на самых скабрёзных проявлениях двусмысленности, я думаю, что нравы там до сих пор не изменились!.. Вы не должны выпускать из виду, кроме того, что цитируемая Вами тирада педанта Полииннио из диалога «О причине» имеет особое значение для философского дока-